

minibo**OK**

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

ВЕДЬМА

Москва
2017

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
Б21

Оформление серии А. *Старикова*

В оформлении обложки использованы
фотографии и иллюстрации:
Irina Alexandrovna, Shaiith,
Evgeniya Rodina / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Бальзак, Оноре де.

Б21 Ведьма / Оноре де Бальзак ; [пер. с фр. С. Вышеславцевой, Н. А. Соколовой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 96 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-93780-6

Перед нами письма и исповеди участников суда над девушкой, которую обвиняют в том, что она ведьма. Ни один из участников процесса не был равнодушен к обвиняемой. Суд выносит свой приговор — девушка поплатилась за свое непотребное для того времени отношение к любви. История изобилует неожиданными, порой комичными, а порой и трагичными поворотами.

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

© Издание на русском языке.
Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-93780-6

НАИВНОСТЬ

Клянусь крепким пурпуровым гребнем моего петуха и подбитой алым атласом черной туфелькой моей милой! Клянусь ветвистыми украшениями, произрастающими на лбу достойных рогоносцев, и священной добродетелью их жен! Прекраснейшее творение человека — отнюдь не поэмы, не великолепные картины, не звучная музыка, не замки, не статуи, как бы ни были искусно они изваяны, не парусные или весельные галеры — нет, наипрекраснейшие творения человека — это дети. Приглядитесь к детям, не достигшим еще десятилетнего возраста, ибо позже становятся они взрослыми мужчинами или женами и, набравшись ума-разума, половины того не стоят, что стоили в годы блаженного младенчества своего, — сколь хороши даже самые плохие из них! Посмотрите, как бесхитростно тешатся они всем, что попадется им под руку, — старым башмаком, особенно если он дырявый, или какой-нибудь домашней утварью, отшвыривают прочь то, что им не по душе пришлось, с воплями требуя то, что им вдруг полюбилось, рыскают по всему дому в поисках сладостей, грызя и уничтожая все припасы, вечно хохочут и показывают зубки свои, лишь только те прорежутся, —

и вы согласитесь со мною, что дети воистину прелестны; да и может ли быть иначе — ведь они плоды и цветы: плоды любви и цветы жизни!

И покуда разум их еще не омрачили постылые докуки жизни, не найдется во всем свете ничего более святого, ни более забавного, чем детский лепет, являющий собой верх наивности. Сие неоспоримо, как дважды два четыре. Никто не слышал, чтобы взрослый человек сказал наивное словцо с простодушием ребенка, ибо в наивности взрослого всегда почувствуешь хоть крупицу умысла, тогда как наивность ребенка чиста и безгрешна, как сама мать-природа, что и будет показано в нашем повествовании.

Королева Екатерина была тогда еще супругой дофина, и, желая угодить королю, свекру своему, прикованному злым недугом к постели, она преподносила ему время от времени в дар картины итальянских мастеров, зная, что король питает к ним великое пристрастие, будучи другом синьора Рафаэля Урбинского, синьора Приматиччо и Леонардо да Винчи, коим посылал он значительные суммы.

И вот однажды она получила от своих родных (у них имелись лучшие полотна упомянутых выше художников, ибо герцог Медичи правил в ту пору Тосканой) бесценное творение одного венецианца по имени Тициан, художника императора Карла V, весьма к нему благоволившего. На картине изображены были Адам и Ева в тот самый час, когда господь бог благословляет их на блаженное пребывание в райских кущах. Были прародители наши на-

писаны в натуральную величину и в костюмах того времени, относительно коих трудно было бы ошибиться: оба укрыты были лишь своим неведением и облечены в покровы божественного милосердия, а все то, что кисть передать затрудняется, изображал с особым искусством вышереченный синьор Тициан.

Полотно это поместили в покое бедного короля, тяжело страдавшего от хвори, каковая и свела его вскорости в могилу. Про картину Тицианову был наслышан весь французский двор, и полюбоваться ею хотелось каждому; однако ж никто из придворных не имел на то дозволения вплоть до кончины короля, ибо, согласно его желанию, упомянутая картина должна была неизменно находиться в его покоях, доколе он жив.

Как-то раз супруга дофина привела к королю своего сына Франсуа и малютку Марго, которые начинали в ту пору, как то свойственно детям, лепетать, сами не ведая что. Слыша со всех сторон толки об упомянутом изображении Адама и Евы, они стали докучать матери, прося, чтобы та взяла их с собой посмотреть картину. И ввиду того, что малюткам уже доводилось не раз забавлять старого короля, супруга дофина вняла их просьбам и привела к деду.

— Вы желали видеть Адама и Еву, наших прародителей, вот они! — молвила она и, оставив детей в великом изумлении перед картиной синьора Тициана, сама села у изголовья короля, умиленно взиравшего на своих внучат.

— А кто из них Адам? — спросил Франсуа, толкая локтем свою сестрицу Маргариту.

— Глупенький! — отвечала девочка. — Как же можно это узнать, раз они не одеты!

Этот ответ, приведший в великий восторг страждущего короля и мать, был сообщен королевой Екатериной в одном из посланий ее во Флоренцию. Никем из писателей он доньше еще не был предан гласности. Так пускай же сохранится он, как цветочек, на страницах этих сказок, хоть и нет в нем никакого озорства. А назидание отсюда можно извлечь лишь одно: дабы слушать милый детский лепет, надобно создавать детей.

ВЕДЬМА

ПРОЛОГ

Некие жители преславной Турени, прослышав о том, что автор сей книги с великим рвением изучает древности, а равно забавные случаи и любовные похождения, происшедшие в нашем благословенном краю, заключили, что все, касающееся Турени, должно быть автору известно, и однажды после обильных возлияний приступили к нему с вопросом, установил ли он, как знаток этимологии, по какой причине одна из улиц города Тура прозывается «Горячей», возбуждая тем немалое любопытство. В ответ на это автор выразил удивление, что турецкие старожилы могли запомнить об изрядном числе монастырей, расположенных по вышеназванной улице, стены коих так долго накалялись от строгого воздержания монахов и монахинь, что стоило иной порядочной женщине замедлить ненароком шаг, совершая вблизи тех стен вечернюю прогулку, как она в скором времени оказывалась в тягости. Один дворянчик, желая блеснуть своими познаниями, сказал, что некогда на том месте сосредоточены были все городские притоны. Другой пустился в научные лабиринты, заговорил красно, да непонятно, сопрягая старину с новизной, объяснял, откуда какое слово происхо-

дит и как их следует употреблять, пробовал на зуб глаголы и, как алхимик, разбирал древние языки со времен потопа: еврейский, халдейский, египетский, греческий и латинский, — приплел к чему-то Турнуса, основателя города Тура, и добавил, что, ежели из слова *chauld* (горячий) выбросить две буквы, «h» и «l», получится слово *cauda*, означающее «хвост», из чего следует, что в этом деле замешан чей-то хвост; турецкие дамы из всей этой премудрости только о хвосте и поняли.

А некий старец заявил, что на месте улицы в доброе старое время бил горячий источник, откуда пивал воду его прапрадед. Словом, в срок меньший, чем требуется, чтобы слюбиться мухе с мухой, нагромоздили целую кучу этимологических объяснений, где истину было труднее обнаружить, нежели найти вошь во всклокоченной бороде капуцина. Но ученый муж, прославленный своими скитаниями по монастырям, немало истребивший масла в лампе, светившей ему при ночных бдениях, истрепавший не один фолиант, а уж документов, хартий, актов, протоколов и исследований по истории Турени собравший больше, чем собирает хлебопашец колосьев на ниве в августе месяце, — сей ученый муж, сидя безмолвно в углу, старый, хилый, согбенный подагрой, вдруг презрительно усмехнулся и внятно произнес: «Чепуха!» Услышав это восклицание, автор понял, что старику ведома некая достоверная история, которой можно будет порадовать читателя.